

JOHN
RUSKIN

Political
Economy
Of Art

ДЖОН
РЁСКИН

Радость навеки
и ее рыночная
цена

УДК 7.0
ББК 87.8
Р43

Перевод с английского А. П. Никифорова

Рёскин, Джон

Р43 Радость навеки и ее рыночная цена / Д. Рёскин; [пер. с англ. А. П. Никифорова]. — М. : РИПОЛ классик. — 184 с. — (Авторская серия Джона Рёскина).

ISBN 978-5-519-64977-3

Вниманию читателей предлагается книга выдающегося английского искусствоведа и социального реформатора Дж. Рёскина, написанная на основе лекций, прочитанных им в Манчестере в 1857 году. Автор ставит перед собой трудную задачу — внести мораль и эстетику в политическую экономию; частью решения этой задачи является стремление ввести элементы красоты в повседневную будничную жизнь человека, в его труд и производство. Настороженно относясь к современной ему машинной цивилизации и проповедуя свободный облагороженный труд, Джон Рёскин высказывает ряд интересных идей о месте и роли государства, об открытии и применении таланта человека, о накоплении и распределении результатов труда и др.

Книга будет интересна философам, искусствоведам и специалистам в области истории экономической мысли, а также всем заинтересованным читателям.

УДК 7.0
ББК 87.8

ISBN 978-5-519-64977-3

© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большая часть предлагаемых очерков является точным воспроизведением лекций, читанных мною в Манчестере; но наиболее краткие положения, встречавшиеся при устном изложении, развиты мною здесь полнее и обстоятельнее и сопровождены значительным количеством примечаний — для объяснения тех пунктов, которых, за недостатком времени, находившегося в моем распоряжении, я не мог достаточно развить при чтении.

Вероятно, не мешает извиниться перед читателями за желание обратить их внимание на предмет, глубокое изучение которого, по-видимому, несовместимо с моей специальностью. Но глубокое изучение едва ли нужно как пишущему, так и читателям, тогда как точное знание вопроса до известной степени необходимо всем нам. Политическая экономия на простом английском языке значит «экономия граждан», и ее основные принципы должны быть поняты всеми, берущими на себя ответственность, сопряженную с именем гражданина, подобно тому как хозяйственная экономия должна быть понята всеми, принимающими на себя ответственность за ведение домашнего хозяйства. К тому же основные принципы политической экономии вполне ясны, но многие из них неприятны по своим практическим требованиям, и люди обыкновенно ссылаются на то, что не могут понять их, единственно потому, что не желают им следо-

вать, или, вернее, в силу того, что обычное неповинование этим принципам лишает их даже способности понимать их. Да, из всех действительно великих принципов этой науки нет ни одного неясного или спорного, ни одного непонятного даже юноше, как только он начинает зарабатывать свой хлеб, или девице, начинаящей принимать участие в домашнем хозяйстве.

Я скорее заслуживал бы упрека в том, что считаю необходимым подробно выяснить те пункты, которые, по-видимому, должны быть известны всем. Но едва ли можно меня в этом обвинять, так как явления в области промышленности, ежедневно сообщаемые газетами, а тем более пояснения, делаемые этими последними, ясно указывают, что значительная масса так называемых промышленных предпринимателей так же невежественна относительно свойств денег, как и беспечна, несправедлива и несчастна в деле их употребления.

Изложение экономических принципов в тексте — хотя я знаю, что если не все, то большинство из них уже приняты существующими авторитетами в области этой науки, — не подтверждаются мною цитатами потому, что я никогда не читал ни одного автора по политической экономии, кроме Адама Смита, да и того двадцать лет тому назад. Каждый раз, когда я раскрывал какую-нибудь современную книгу по этому вопросу, то всегда находил, что она загромождена исследованиями по случайным и второстепенным промышленным вопросам, следить за которыми у обычновенного читателя нет свободного времени и сложность которых, по-видимому, не редко лишает самих авторов возможности понимать самую основу дела.

В заключение замечу, что если читатель будет склонен осуждать меня за слишком радужное представление о возможных изменениях в практике политической жизни, то пусть он только

подумает о том, как дико показалось бы современникам Эдуарда I, если бы им сказали, что современный нам строй политико-экономической жизни не только неизбежен, но даже возможен. А я думаю, что наш прогресс со времен Эдуарда I состоит не столько в том, что нами уже достигнуто, сколько в том, что мы имеем возможность достигнуть в будущем.

РАДОСТЬ НАВЕКИ И ЕЕ РЫНОЧНАЯ ЦЕНА

